

— О Л Ъ Г А В А С И Л Ь Е В А —

Семейное положение: ЕСТЬ СОБАКА

Ольга Васильева

Семейное положение: есть собака

<https://litres.ru/70359802>

SelfPub; 2024

Аннотация

После тяжёлого расставания кто-то остаётся с половиной имущества, кто-то - с детьми, а кто-то - с разбитым сердцем. Как собрать себя по кусочкам, если твоя прежняя жизнь разрушена, а в довесок тебе досталась собака бывшего?

Ольга Васильева

Семейное положение: есть собака

Основано на реальных и немного выдуманных событиях.

Что-то было не так.

Вам знакомо чувство, когда на годовщину ваших отношений вы получаете вместо кольца серёжки в бархатной коробочке? Полное недоумение и разочарование. Вот что я испытала, когда услышала от Кирилла:

– Давай заведём собаку.

Несколько лет гражданского брака вылились не в предложение руки и сердца, даже не в предложение родить ребёнка, а в предложение обзавестись домашним питомцем. Это даже не серёжки.

– Нет, – отрезала я.

И мы поссорились. Ссорились долго, но не конструктивно.

Дело в том, что собак я опасалась, даже небольших. Видимо кошачья натура рождённой в год Тигра давала о себе знать, да и привычки у меня были кошачьими. Не такими, какие представляют себе в воображении большинство мужчин при слове «киска». Нет, представьте себе развалившие-

гося пузом кверху шерстяного, который при малейшей попытке его погладить делает стремительный кусь и, гордо водрузив хвост, убегает на другой бок дивана дабы продолжить своё возлежание. В общем, всё самое плохое, что есть в кошках я вобрала в себя – эгоизм, высокомерие и полное пренебрежение к людям.

Свой отпечаток накладывало ещё и то, что в детстве у меня было достаточно питомцев, чтобы понять – брать на себя такой груз я больше не желала. Да и терять того, к кому привязываешься, скажем прямо, тяжело.

У Кирилла же такого опыта не было. Зато у него были игрушки для мальчиков от 15 до 60 лет: машина, приставка, плеер и, прости господи, квадрокоптер, использованный ровно полтора раза (второй взлёт окончился в окне соседнего дома). И это предложение завести собаку мне показалось из той же серии.

Чем бы дитя не тешилось...

Но в этот раз пришлось повоевать. Он полгода упрашивал меня завести пса, как, бывает, настаивают на ребёнке мужчины. Не знаю, подвергаются ли они такому давлению как женщины – их часики не тикают, они солнечные – но в один момент вдруг напирают на своих жён и любовниц с требованием родить им наследника. Точно с такой же упёртостью Кирилл давил на меня.

– Лучше бы ребёнка завели, – проворчали родители, когда я сдалась.

– Конечно, с ребёнком ведь легче, – иронизировала я, но мама шутку не оценила.

– Тебе тридцать, Поля. Замуж тебе нужно, а ты...

– Я замужем.

– Какой же это замужем?

Родители не поспевали за современностью, поэтому для них ни совместное проживание, ни общий быт не были основанием считать сожительство браком, пусть и гражданским. Белое платье, ЗАГС, печать в паспорте, банкет с пьяной дракой – только после этого «замужем» считался настоящим.

И новость о не совсем традиционном пополнении семейства вызвала у них только кислые лица. Не помогло даже фото от заводчика, на котором красовался печальный круглопузый щенок.

– Этот будет наш, – я протянула родителям телефон.

Нет, не наш.

– Только помни, это твоя собака, – поставила я условие, чувствуя себя строгой мамочкой тридцатилетнего передоросля. – Гулять с ним будешь ты. Кормить и мыть будешь ты.

Кирилл послушно кивал и смотрел на меня теми же глазами, что и щенок с фотографии. Наверное, он где-то практиковался, потому что ни до ни после я этот взгляд не видела, даже когда он расписывал все положительные моменты приобретения злосчастного квадрокоптера.

И я сдалась. Не потому, что меня разжалобил этот взгляд. Просто...

Что-то было не так. И я надеялась, что это странное чувство пройдёт, если появится кто-то третий.

Первая наша встреча с Микки была в тёмном коридоре мрачной сталинки, освещённым одной лишь тусклой лампочкой. В большой картонной коробке, служившей загонем, щенков копошилось штук шесть и каждый норовил выпрыгнуть навстречу подставленным рукам. Заводчица смело вытащила из этой кучи-малы нужного кроху и дала мне в руки. Кроха был совсем светлым, с коричневой мордой и пятном на лбу как у генсека Горбачёва.

«Теперь я пёсья мать», – мелькнуло в голове, когда холодный нос уткнулся мне в плечо.

Новоиспечённые матери часто рассказывают, что стоит им взять в руки своего ребёнка, как они тут же наполняются трепетным чувством любви и нежности. Мой же был не просто приёмным, но также нежеланным. По крайней мере для меня. На лице же Кирилла был тот самый щенячий восторг. И первые дни он вёл себя как идеальный отец. Исправно кормил Микки, играл с ним и убирал незапланированные подарки. Особенно он полюбил вечерние прогулки.

Мы оба взяли небольшой отпуск, чтобы все попривыкли друг к другу. И в первые дни всё действительно казалось легко и просто. Пёс сидел в загоне, а если начинал скулить, просясь наружу, то оказывался под присмотром и контролем.

Но, если у вас когда-либо была собака, не мне вам рассказывать, во что превращаются первые месяцы. Улицы Парижа в период самых сильных протестов покажутся репетицией утренника в детском саду.

Отпуск закончился.

Каждый вечер, возвращаясь с работы мы боялись включать свет, в темноте пытаюсь угадать масштаб трагедии. На смену тапкам, носкам и обуви, которые пострадали в первые дни и теперь были надёжно спрятаны, пришло... всё! Абсолютно всё.

Обои, провода, шторы и ковры, ножки шкафов, двери, диван и подушки, книги...

Иногда квартира напоминала место преступления, в центре которого сидел счастливый от проделанной работы Микки. Ему прощались всё только потому, что он был действительно милым.

Убирать каждый день было утомительно. Плакать над погубленными вещами тоже. Мои итальянские туфли, редкое издание книги, кашемировый свитер, дорогой, но теперь уже выпотрошенный, диван. И шерсть! Не верьте в то, что собаки линяют дважды в год. Микки линял всегда, его белые волоски находились даже в кружках с утренним кофе, а раз в неделю, если вычистить мебель и подмести пол, можно было собрать ещё одного пса.

Сжав зубы я оттирала пятна мочи и экскрементов, просыпалась даже ночью от того, что рука угодила во что-то

мокрое или в нос ударил запах аммиака. И чистила, чистила, чистила. А ещё злилась, на себя в первую очередь, что пошла на поводу и согласилась на его предложение. Злилась на Кирилла, который стал всё чаще нарушать данные мне обещания и чтобы избежать уборки, подолгу выгуливал собаку. И, конечно, я злилась на Микки.

Не знаю, способна ли маленькая собачка пошатнуть нервы, но со мной стало происходить что-то необъяснимое. Я плакала почти каждый день, запираясь в ванной, стала тревожной и замкнутой, а из зеркала на меня смотрело осунувшееся лицо. Даже подруга, которой я пожаловалась, отметила:

– Если бы я не знала, что речь идёт о собаке, подумала бы, что у тебя послеродовая депрессия.

Что-то точно было не так.

Да, Микки прощалось всё, потому что он был милым. Действительно милым. Он рос не таким стройным, как его сородичи, был чуть приземистым с кривоватыми задними лапами. Бровки домиком, длинные реснички, карие глаза, порой будто смотревшие в разные стороны – всё это было способно растопить даже чёрствое сердце. Но, как и все дети, милее всего он был когда спал – на животе, вытягивая задние лапы, похожие в этот момент на куриные окорочка.

Он подрастал. Круглый живот подтянулся, молочные зубы

сменились на коренные, вытянулась морда, а тонкий «гав» превратился в уверенный баритон. Я стала замечать за собой, что подолгу смотрю, как он спит. В эти моменты в груди что-то слегка ёкало. Нет-нет, да брошу ему игрушку, потреплю уши или разучу простенькую команду. И вот, несмотря на то, что в договоре купли-продажи и в ветеринарном паспорте стояло имя Кирилла, Микки решил, что главный его человек — это я.

Прогулки до кухни и ванной отныне были в сопровождении. Пёс семенил рядом, послушно ждал у двери или успевал юркнуть внутрь, не считая чем-то зазорным наблюдать за моим туалетом. Он же делает свои дела при людях. Почему бы и не наоборот?

Я же от такого внимания не была в восторге, особенно когда спать он повадился под моим боком. Кирилл ворчал, спихивал пса с кровати, но тот упорно возвращался обратно. Нередко утренние пробуждения сопровождались лицезрением Миккиных бубенцов. Он лежал на соседней подушке пузом кверху, накрытый одеялом, из-под которого торчали только задние лапы.

И чем больше Микки привязывался ко мне, тем больше Кирилл раздражался. Я объясняла это ревностью. И продолжала бы так считать, если бы пёс не добрался до «папиных игрушек».

То, что валялась у нас под ногами, кажется, недавно было наушниками. Ошмётки провода и пластика будто измельчил шредер. Микки, понимая, что был застигнут на месте преступления, ретировался в угол. Я отвлеклась, разглядывая останки, поэтому не успела перехватить Кирилла, когда он, взяв телефонный шнур, обрушил его на перепуганного пса. Тот скукожился, прижал хвост и уши, но даже не пискнул, хотя удар явно был не слабым.

– Ты что!

Я оттолкнула Кирилла и притянула испуганного Микки к груди.

– Чтобы понял.

– Что понял? Что его можно бить?

– А как он ещё поймёт, что грызть вещи нельзя? Достало!

– С ума сошёл? Не так же! Не так! – у меня даже выступили слёзы. – Когда-нибудь сам получал?

Кирилл протянул мне руку, и я не задумываясь схватила шнур. Не со всей силы, но не жалея ударила его по предплечью. Красная полоса окрасила кожу. Кирилл зашипел и отдернул руку.

– Приятно?

Знаете, о чём я в тот момент вспомнила? О том, что чем тоньше ремень, тем больше им получать по заднице. Я будто снова возвратилась в детство, где родители не считали зазорным воспитывать детей так. Только давайте без «и меня били, и ничего, я вырос нормальным». Не вырос. Точнее вы-

рос, но ненормальным. А что могло произойти со щенком при таком методе?

Тогда-то Кирилл открылся мне с другой стороны. С той, о которой я даже не подозревала.

Но расстались мы не поэтому.

Мужчины-обманщики прокалываются на самом простом. Помада на воротнике, случайное сообщение не тому адресату... Я же поймала Кирилла на пудре.

Он пришёл домой и как обычно взял Микки на поводок. Поздоровался со мной, чмокнул в щёку и быстро ретировался. Пока они были на прогулке я вся извелась, заламывала руки, уговаривая себя, что мне только показалось. И впервые рылась в его вещах в поисках доказательств. В кошельке, в секретном отделении лежали наши фото, которые мы сделали несколько лет назад в фотобудке. Вот только рядом с Кириллом была не я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.